

Философский смысл гражданского процесса

Аннотация. Статья затрагивает общетеоретические положения права и гражданского процесса, изложенные в одной из научных работ профессора М. С. Шакарян. Основой для оценки указанных воззрений является онтологический подход к определению смысла существования как философской категории, неразрывно связанной с моментной бытийностью, представляемой в качестве грани проекции личного и общественного опыта в будущее. Опора на бытийную трактовку категории смысла в указанном подходе помогает выявить философское содержание гражданского процесса, оценить роль и значение для судебного правоприменения в гражданских спорах такого феномена, как ошибка. Раскрываются сущностные черты этого явления, привлекается внимание к различию природы ошибки стороны в гражданском процессе и ошибки суда, сравниваются определяющиеся бытийностью феномены гражданского права и уголовного процесса с ошибкой как феноменом гражданского процесса. Обосновывается подход к рассмотрению решения суда как переломного момента трансформации объективно исследованного личного опыта в подтвержденный общественный.

Ключевые слова: категория смысла; бытие; гражданский процесс; ошибка; защита права; процессуальная форма; научная школа; материальное право; процессуальное право; доверие в праве; общественный опыт.

Для цитирования: Черных И. И. Философский смысл гражданского процесса // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 97–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.097-103.

Philosophical Meaning of Civil Proceedings

Irina I. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
iichernykh@msal.ru

Abstract. The paper touches upon the general theoretical provisions of law and civil proceedings, set out in one of the scientific works of Professor M.S. Shakaryan. The basis for assessing these views is an ontological approach to defining the meaning of existence as a philosophical category inextricably linked with momentary existence, presented as a facet of the projection of personal and social experience into the future. Reliance on the existential interpretation of the category of meaning in this approach helps to identify the philosophical content of civil proceedings, assess the role and significance of such a phenomenon as error for judicial enforcement in civil disputes. The essential features of this phenomenon are revealed, attention is drawn to the difference in the nature of a party's mistake in a civil proceeding and a court's mistake, the phenomena of civil law and criminal proceedings determined by existence are compared with an error as a phenomenon of civil proceedings. The approach to considering a court decision as a turning point in the transformation of objectively studied personal experience into confirmed public experience is substantiated.

© Черных И. И., 2024

* Черных Ирина Ильинична, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iichernykh@msal.ru

Keywords: category of meaning; being; civil proceedings; error; protection of rights; procedural form; school of thought; substantive law; procedural law; trust in law; social experience.

Cite as: Chernykh II. Philosophical Meaning of Civil Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):97-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.097-103.

Если говорить об архетипе ученого, мудреца, то для бытового сознания — это, пожалуй, литературный образ Паганеля, человека одержимого и вследствие того до нелепости отрешенного от всего мешающего научному познанию. Для профессиональной среды человек, являющийся образцом ученого, как правило, воплощает в себе сочетание разнообразных достижений: плодотворного участия в обучении студентов, т.е. чтения лекций, подготовки учебников и т.д.; создания значимой научной школы, когда основополагающие взгляды ученого разделяются и развиваются коллегами и последователями, чаще всего это сопряжено с осуществлением не только научного, но и административного руководства структурными или обособленными коллективами; наконец, собственно научной деятельности — продуктивных исследований в избранной области.

Мария Сумбатовна Шакарян была и остается одним из наиболее заметных лиц советского и российского гражданского процесса. Все вышеперечисленные направления деятельности ученого нашли отражение в ее работе, в ее жизни. Если говорить патетически, привлекая в помощь часто употребляемое выражение «высокого штиля», можно заключить, что ее служение науке было наполнено высоким смыслом. И это хороший повод поговорить о смысле, о том, каков он по отношению к жизни и работе ученого и как смысл человеческого бытия отражается в науке вообще, в науке гражданского процесса и исследуемой ею области социальных отношений.

Смысл, особенно если иметь в виду смысл бытия, является категорией насколько очевидной, настолько же и трудноуловимой, легко выходящей за рамки любой общефилософской дуалистической ловушки. Форма и содержание, материальное и идеальное, бытие и познание, личность и общество, логика и метафизика — все эти дуалистически-уравновешенные подходы к выявлению категории смысла в той или иной мере подводят к отождествлению смысла

с целью или ценностью (либо с обеими вместе), но одновременно и оставляют очевидное в понимании: полностью отождествить смысл ни с целью, ни ценностью не получится. И тот и другой варианты раскрытия смысла основываются на постулате свободы воли. Когда мы отделяем собственно бытие от представлений по поводу бытия, замешанных на возможности выбирать. То есть возникает проект (представление о бытии) и инструмент (собственно бытие), который должен позволить воплотить проект. Очевидно, что в этом случае проявляется огромный дефицит внимания к смыслу как неизбежному, как состоянию, как характеристике пребывания в бытии. В бытии понятийно, логически выделяется, существует тот момент, который можно назвать «прямо сейчас», секундное существование, в котором только и возможен чувственный опыт. Каждое мгновение, проходя, уносит с собой звуки, вкусы, ароматы, превращая их в воспоминания. В силу способностей к абстрактному мышлению и возможности вызывать воспоминания, которыми наделен человек, его «прямо сейчас» становится постоянной точкой перелома, фокусным центром, проходя через который память трансформируется в планы, в видение личного и общего будущего. Хотел бы того человек или нет, но до тех пор, пока интеллект его физиологически не угас, он, словно Сизиф, обречен это делать. Вечное состояние осмысления и переосмысления бытия неизбежно. И в силу этой неизбежности оно не может быть сведено к одним только волевым аспектам, субъективным шаблонам ценностей и целей, хотя они, включаясь в предвидение, задают его направленность.

Если же снова говорить об обобщенной фигуре большого ученого и о смысле ее бытийности, о постоянной работе чрезвычайно развитого интеллекта, то явление «высокого смысла» получает вполне очевидное разъяснение. Человек, как правило, уже немолодой, встретивший на своем пути многих личностей разнообразного

склада и типа мышления, в том числе научного, ознакомившийся с огромным количеством идей и их аргументаций, относящихся к определенной области знаний, приобретает колоссальный социальный и профессиональный опыт. В силу этого обстоятельства переработанная его сознанием информация, анализ, проводимый как целенаправленно, так и подспудно, синтезируется в научном прогнозе, точке обзора с максимально широким углом. То есть при совпадении необходимых и достаточных условий, относящихся к уровню интеллекта, способности социального взаимодействия, состояния здоровья, наконец, вероятность изучения таким специалистом фундаментальных проблем в своей области, а не проведения фрагментарных исследований частных вопросов многократно повышается. Для ученого стремительно сокращается то индивидуальное расстояние, на котором «видится большое». Вместе с этим растет и объективное значение бытийности конкретного человека, поскольку уровень совершенных им методологических и теоретических обобщений предполагает их востребованность в научных исследованиях, охватывающих самый широкий диапазон проблем соответствующей отрасли науки.

Возвращаясь непосредственно к фигуре профессора Шакарян, рассматривая ее работы применительно к изложенному взгляду на отражение бытийного смысла в выборе направлений научных исследований максимального охвата, в общем ряду сочинений следует отметить статью, посвященную исследованию теоретических аспектов формы, в данном случае — процессуальной формы, написанную в соавторстве с А. К. Сергун¹.

Эта работа стала критической реакцией на выход коллективной монографии «Юридиче-

ская процессуальная форма»². Вообще, исследователи обращаются к теме юридической процессуальной формы довольно часто, но, при всей опасности категоричных обобщений, хочется отметить, что эта тема в большей мере нуждается в сохранении и сбережении логически и теоретически обоснованных взглядов, нежели в попытках подойти к ней широко и обновить с размаху. Так случилось и с мнениями авторов упомянутой монографии. Лейтмотивом ее содержания стала уверенность в том, что любое расширение процессуальной формы — это уже само по себе хорошо. М. С. Шакарян и А. К. Сергун в связи с этим пришлось переосмыслить и в очередной раз формулировать очевидные, казалось бы, доводы, опирающиеся на основания гражданского процесса.

О неравнозначности и неоднородности порядка (формы), присущего правоохранительной и правоприменительной деятельности³; о независимом от обслуживаемых отраслей материального права существовании гражданского и уголовного процессуального права⁴; о том, что связь материального права с процессуальным правом не может быть сведена к простому соотношению формы и содержания, а процессуальное право — как гражданское, так и уголовное — имеет свое собственное содержание и свою форму, закрепленную нормами процессуального права⁵; о том, что наличие процедурных норм в каждой отрасли права не дает оснований для выделения специального процесса, а наличие совокупности процедурных правил в любой отрасли права не является основанием для их выделения как особых процессуальных норм, поскольку юридическая природа самостоятельных процессуальных норм не может быть сведена к процедурным правилам⁶. О том, наконец, что процессуальная форма правосу-

¹ Сергун А. К., Шакарян М. С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. СПб., 2014. С. 39–70.

² Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976.

³ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 41.

⁴ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 50–51.

⁵ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 51.

⁶ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 57.

дия — особая форма. Это не просто порядок, урегулированный правом. Сущность процессуальной формы правосудия — в определенной системе гарантий, установленных Конституцией. Единственный орган, принципы организации и деятельности которого подробно определены Основным Законом, — это суд⁷.

Но, по-видимому, поле абстракций гражданского процесса не является легко- и общедоступным. В стремлении найти к нему простейший путь, отразив личное ощущение проблемы, доходят и до странностей, до откровенной примитивизации. «По важнейшему для авторов упомянутой монографии вопросу о разграничении материальных и процессуальных норм предлагается использовать такой критерий: если можно поставить вопрос “что?”, “что делает?” — материальная норма; если же она отвечает на вопрос “как?”, “каким образом?”, то норма — процессуальная»⁸. Нет ни малейшего желания использовать приведенную идею как повод для насмешки, потому что это всего лишь отражение дефицита подходов к иному образу мышления, мышления с позиции общесоциологической, тем не менее предполагающей ясную юридическую проекцию. Путаются в следствиях, если не видят первооснову.

С этой позиции обнаружение смысла в непрерывной бытийности, смысла как ежеминутного состояния переработки одного идеального мира (опыта) в другой (предвидение), о чем выше говорилось, применимо к социальной деятельности и продуктивно для исследования. Каким образом? Если мы говорим о постоянной точке перелома в чувственном моменте, о необходимости преодолеть перевал для желающего попасть из одной горной долины в другую, то обнаружение категории, имманентно присущей конкретной области социальной деятельности, такой идеи, которую нельзя миновать, безусловно, поможет не смешивать несмешиваемые понятия и не забывать о смысле этой социальной деятельности.

Откроем поиск указанных идей не применительно к гражданскому процессу, но в других,

ближайших к нему отраслях. Для того, чтобы придать объемность рассматриваемому ландшафту, для того, чтобы оценить место гражданского процесса в общей картине права и показать, таким образом, пороки смешения понятий.

Начнем с гражданского права. Как можно представить, как отыскать ту категорию, что является точкой преломления в гражданских правоотношениях, в которой правовой интерес вполне конкретизируется? Взглянув на систему гражданского права, его институтов под углом зрения, соответствующим поставленному заданию, нетрудно будет заметить, что искомым является доверие. Полагаем, вся цивилистика направлена на формализацию доверия в человеческом общении.

Разделы гражданского права, его институты, предлагают различные шаблоны для заблаговременного оформления доверия в различной же степени. Начиная с наивысшей степени, которая отражена в отношениях ссуды, например, или агентских, иной фидуциарной деятельности и заканчивая демонстрацией доверия в минимальной степени к участнику отношения, но проявлением доверия (скорее — уверенности в прочности и неизменности всего неодушевленного) к материальным и нематериальным объектам, что выражается в установлении вещного обременения. Конечно же, следует сказать и о вещных титулах, которые преследуют получение не только власти над выделенным имуществом, но и абсолютной защиты титула, что опять-таки характеризует восприятие всех окружающих как лиц, потенциально способных посягнуть на имущество и доверия не заслуживающих. Сердцевиной же гражданского права является большой массив детализированных личных обязательств, что демонстрирует умеренную степень доверия одного лица к другому в отношениях.

Доверие не поддается формализации во многих проявлениях жизненного круговорота, прежде всего этических, но, что касается такой его части, как гражданский оборот, здесь доверие сколь неотъемлемо от его сути в силу по-

⁷ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 70.

⁸ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 62.

шаговости, цикличности самого оборота, столь же и подвластно формализации, нормативному описанию пределов.

Не противоречит такому воззрению и явление деликта. Причинение вреда имущественного, морального можно рассматривать, как и злоупотребление правом, в качестве злоупотребления доверием. Наделение лица гражданским статусом, право- и дееспособностью означает получение кредита доверия от общества, что в дальнейшем в определенной части словно бы не оправдывается.

Привлекая еще одну близкую гражданскому процессу отрасль права, также сосредоточенную на судебном разрешении конфликта — уголовный процесс, можно предположить, что для него определяющей категорией является наказание, поскольку определение личного наказания есть результат оценки угрозы публичному порядку. И наказание в виде нулевого, по сути, все равно выносится даже тогда, когда на условном нулевом уровне оценивается степень общественной опасности деяния в случаях необходимой обороны или крайней необходимости. Однако лицо в статусе подсудимого объективно может и не иметь связи с деянием, содержащим признаки общественной опасности и ему инкриминируемым. Поэтому категория связи является и определяющей для отрасли уголовного процесса, и критической точкой для осмысления суда, для вынесения вердикта.

Переходя, наконец, к гражданскому процессу, казалось бы, можно утверждать, что тем явлением общественного бытия, которое воплощается отраслью, является защита или охрана, коль скоро цель судопроизводства по гражданским делам есть защита нарушенных прав и законных интересов лиц. Однако если отталкиваться от сути правопонимания, подразумеваемая под ним формализацию сопоставления или столкновения опытов⁹ — общественного и личного, то выделение в интересующем нас качестве защиты будет фрагментарным

и недостаточным. Более широкое, в полной мере воплощающее идею сопоставления опытов явление — ошибка. Защита нарушенного права может быть и не осуществлена в ходе производства по делу, в процессе, но явление ошибки безусловно и обязательно в конфликте. Это утверждение можно иллюстрировать таким решением суда, которым первоначальному истцу отказывается в иске, а первоначальному ответчику отказывается во встречном иске. Что означает: права и законные интересы сторон с точки зрения суда, применительно к общественному опыту, нарушены не были, а декларированный личный опыт сторон, выраженный в исках, расценивается судом как ошибочный и невостребуемый применительно к опыту общественному. И наоборот, даже если судом удовлетворены оба иска — и первоначальный, и встречный, то наряду с защищенным от нарушения правом каждой из сторон выявляются и их ошибки.

Не противоречат высказываемому мнению и модели неисковых производств. Например, в делах особого производства, на первый взгляд, ошибочный личный опыт не фигурирует. Нет прямого столкновения с общественным. Но есть логическая изнанка ситуации: личный взгляд, мнение, воплощаемое в попытке формализации самого факта существования лица (если, например, говорить о признании умершим), может стать ошибочным общественным опытом при условии небрежного выполнения судом процессуальных требований проверки.

Прежде чем двигаться дальше в своих рассуждениях, всё же следует подробнее остановиться на понятии ошибки. Что оно воплощает в себе, какое неотъемлемое содержание?

В первую очередь ошибка близка относительному и противостоит абсолюту. Это альтернативная позиция, пусть менее убедительная или не подтвержденная опытом. Как говорил О. Шпенглер, для настоящего мыслителя нет абсолютно верных или неверных точек зрения¹⁰. Чем слож-

⁹ Об указанном типе правопонимания см.: Черных И. И. Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11 (144).

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль, 1993. Т. 1 : Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. С. 155.

нее явление, тем оно неоднозначнее, и даже ошибочные взгляды полнее его раскрывают.

Далее: ошибки конкурентны. Они противостоят не только результату, признанному верным, но и друг другу, т.е. помимо внешней относительности присутствует и внутренняя, когда составляющие одних заблуждений оказываются ближе других к истине. В познании как поступательном процессе, таким образом, именно сами ошибки проделывают «черновую работу», замещая одно заблуждение иным, более продуктивным.

Еще одно качество ошибки — это относительность во времени. То, что видится ошибочным в одних условиях, в изменившихся может раскрыться совсем иначе и убедительно.

Непосредственно к гражданскому процессу относится такая яркая характеристика ошибки, как позитивная направленность допущения. Участники конфликта, потенциально допуская, что значение и содержание их личного опыта будет отвергнуто и расценено судом как ошибочное, тем не менее полагают, что именно он — их личный опыт — в наибольшей мере соответствует общественному, развивает его. Иными словами, суть гражданского процесса — выявление судом ошибочности либо подтверждение личного опыта, нацеленного на согласованность с общественным. В уголовном же процессе рассматривается личный опыт, противостоящий общественному, изначально отрицающий его ценность. Для уголовного судопроизводства значение имеет не сам факт ошибки, порока, содержащегося в личном опыте. Выявление этого порока, его содержания лишь предваряет вынесение судом оценки опасности этого опыта для общественного, степени компрометации последнего, подрыва публичных устоев.

Помимо ошибки как явления обобщенного, философского, нацеленного на анализ и уяснение положений гражданского процесса как науки, нельзя не затронуть и ошибку как явление конкретное. В мире, основанном на идеях сохранения материи, которая если в одном месте убавится, то в другом прибавиться должна, можно ли быть уверенным в незначимости, в возможности бесследного исчезновения того, что признано ошибочным? Для суда, задача

которого законом сформулирована как защита нарушенного права, выявленная ошибка — это то, от чего следует оттолкнуться в анализе конфликта, а затем отбросить. Суд может по собственной инициативе осуществить анализ рассмотрения сходных дел другими судами, но не обязан это делать; может прислушаться к обращениям сторон к предшествующему судебному опыту, но не обязан это делать. Всё это вытекает из декларируемых независимости и самостоятельности суда. Ошибка стороны, таким образом, имеет формальное значение. Если право одной стороны нарушено, это означает, что другая сторона допустила ошибку. Суд концентрируется на недопущении собственной ошибки, которая состоит в том, что нарушенному праву не будет предоставлена защита, т.е. ошибка стороны в сопоставлении с возможной ошибкой суда второстепенна. Вся аналитическая деятельность судов России, все обобщения, в особенности Верховного Суда, готовящего тематические материалы, направлены в первую очередь на выявление и разбор именно судебных ошибок. Однако технологические возможности современной цивилизации уже оказались у черты, за которой осуществимо самое тщательное исследование всего массива ошибок, всех конкретных несовпадений личного и общественного опыта. Не говоря уже о значимости результатов такого исследования для законотворческой деятельности, для приближения к недоступному ранее качеству судебного правоприменения, и в общем портрете человечества благодаря этому могут проявиться невидимые ранее черты.

Основываясь на философской оценке гражданского процесса при бытийной трактовке категории смысла, учитывая присущие судебному правоприменению возможности фиксации объективно выраженного поведения и субъективных мотивов личности, правосудие по гражданским делам способно показывать личные ошибки как содержательную сторону общественной жизни, а решение суда следует рассматривать в таком контексте как переломный момент трансформации объективно исследованного личного опыта в подтвержденный общественный.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сергун А. К., Шакарян М. С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. — СПб., 2014. — С. 39–70.
2. Черных И. И. Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 11 (144). — С. 43–57.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 : Гештальт и действительность. — М. : Мысль, 1993. — 663 с.
4. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. — М. : Юрид. лит., 1976. — 278 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Sergun A. K., Shakaryan M. S. K voprosu o teorii tak nazyvaemoy «yuridicheskoy protsessualnoy formy» // Shakaryan M. S. Izbrannyye trudy. — SPb., 2014. — S. 39–70.
2. Chernykh I. I. Kategoriya zakonnykh interesov na fone edinogo kontsepta pravoponimaniya // Aktual'nyye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 11 (144). — S. 43–57.
3. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 1: Geshtalt i deystvitel'nost. — M.: Mysl, 1993. — 663 s.
4. Yuridicheskaya protsessualnaya forma: teoriya i praktika / pod obshch. red. P. E. Nedbaylo i V. M. Gorsheneva. — M.: Yurid. lit., 1976. — 278 s.